

уже привлечено къ отвѣтственности по другому поводу (Herbst, Handbuch, 1875, I, § 209, н. 7). Съ этимъ можно согласиться только въ такомъ случаѣ, когда обвинитель прибѣгалъ къ недобросовѣстнымъ дѣйствіямъ, когда онъ, напримѣръ, устранилъ доказательства невиновности, представилъ ложные документы и т. п. Въ противномъ случаѣ, одинъ лишь доносъ на привлеченное уже къ отвѣтственности лицо не можетъ ни ввести власть въ заблужденіе, ни имѣть вреднаго значенія для обвиняемаго; поэтому такой доносъ не долженъ подлежать наказанію.

§ 141.

Что касается наказанія за это преступленіе, то необходимо опредѣлять оное соразмѣрно съ тяжестью обвиненія, со средствами, употребленными для подкрѣпленія онаго, и съ послѣдствіями, возникшими несправедливо для обвиняемаго. Поэтому масштабъ наказанія долженъ быть весьма значителенъ. Такой именно масштаб представляетъ дѣйствующее уложеніе: отъ тюремнаго заключенія до уголовного наказанія. Но минимумъ наказанія (четырехмѣсячное тюремное заключеніе) слишкомъ строгъ, напр., въ случаѣ, когда доносъ касается дѣянія, подлежащаго болѣе мягкому наказанію, чѣмъ заключеніе въ тюрьмѣ. Австрійское улож. (209, 210, 487) опредѣляетъ наказаніе сообразно съ важностью обвиненія, а именно по мѣрѣ того, касался ли лживый доносъ преступленія (Verbrechen) или менѣе наказуемаго дѣянія (проступка или полицейскаго нарушенія). Сверхъ того, къ числу значительно усиливающихъ вину обстоятельствъ это уложеніе вполне справедливо относитъ слѣдующія: если доносчикъ прибѣгалъ къ особннымъ изворотамъ; если обвиняемый подвергался большой опасности; если